

ТАМ, ГДЕ ЗАТИХАЕТ ТРЕВОГА

Terramajoris

Как важно успеть все сделать вовремя: простить, повиниться, сказать слова благодарности, любви, признательности. Не опоздать.

Поздней осенью 2023-го ушла из жизни Алла Крикун. Ее смерть была такой же, как и вся жизнь одесской художницы, – скромной и тихой. Она просто вернулась к земле предков, к своей Terra majoris.

Она ушла в год своего юбилея. Но никаких приличествующих этой важной дате торжеств и событий не было. А сама Алла Михайловна скромно не стала никому об этом напоминать. И здоровье предательски сдавало.

Но спустя два месяца после ухода мастера в галерею Городского сада Art Odessa открылась уже посмертная выставка Аллы Крикун. Куратором

проекта выступила Елена Павлова. И на ее призыв откликнулось столько людей, объединившихся в желании отдать дань памяти хорошему человеку, талантливому живописцу и графику.

Большинство представленных работ были из личных коллекций одесситов, дополненных предметами музейных собраний и галерей. А сколько еще ее работ разлетелось по миру... Ведь ее картины греют душу, ими хочется все время любоваться, быть в поле их энергии.

Крикун работала в яркой, самобытной, экспрессивной манере, в которой нашли отражение украинские мотивы, неповторимый колорит родных пейзажей, черты народного фольклора. Портреты, море, одесские степи, животные и птицы, – что бы ни писала художница, все говорило о тонкой лиричной душе мастера. Она показывала зрителю яркий, поэтический мир, дарила удивительное ощущение радости, весны, праздника. Алла Крикун писала не только картины, но и стихи, короткие, пронзительные, философские...

«Что же это было?
Был ли это сон?
То ли жизнь прошла,
Что же это было?..»

Своими работами художница словно говорит: «Любите и цените жизнь, она самое дорогое, что у нас есть, дарите радость и тепло друг другу».

Аллу Крикун похоронили на ее родине – в селе Любополь на берегу Тилигульского лимана. Но остались ее работы, полные жажды жизни, энергии и любви. Память об Алле Крикун – чистая и добрая, как и сама её замечательная художественная Вселенная, искренне оставленная всем нам, как послание.

Катя ПИМЕНОВА

ИЗ ФОНДОВ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Лев Славин

Наследник

...Избегая светлых улиц, мы вошли в Инвалидный переулок. Началась немецкая часть города, кирха, училище св. Павла, готические стрельчатые крыши, напротив из консерватории пробивались звуки фортепьяно. Хлопали старые двери гимнастического общества «Турн-Феррейн».

Я возбуждался все больше и больше от зрелища мирной жизни, от афиш на столбах, от извозчиков, на которых катили господа в котелках, придерживая за талию дам, от собак, деловито бежавших в разных направлениях и по совершенно, видимо, частным делам.

Мы углубились в Гулевую улицу, которая теперь называлась улицей Карангозова, но которую все продолжали называть Гулевой, – монархисты из презрения к новшествам, либералы из ненависти к генералу Карангозову. Кругом стояли магазины музыкальных мастеров, все чехи – Драгош, Лукаш, Седлачек. В окнах рядом с балайками и мандолинами стояли фикусы, кактусы и клетки с попугаями.

Мы прошли по Соборной площади, но не через центр, залитый светом, а по темной боковой аллее, меж маро-

ньеров и акаций. На матовых стеклах кафе Либмана мелькали силуэты бильярдистов. Аптека Гаевского и Поповского сияла лиловыми и рубиновыми вазами. Справа начинались торцы Дерibasовской улицы. Городовой в белых перчатках воздымал дубинку. Катились трамваи, широкие южные трамваи с желтыми соломенными сиденьями. По Дерibasовской шли люди с книжками от Расопова, пирожными от Печесского, колбасой от Дубинина, рахат-лукумом от Дуваржоглу. Город дышал пивом Санценбахера, консервами Фальцфейна, богатством Ашкинази, гордостью Сцибор-Мархоцкого. Сколько раз я принимал участие в прогулках по Дерibasовской, почти ритуальных в своей неизменяемости, раскланиваясь со знакомыми, завидуя серой форме учеников 1-й гимназии!

А дальше тянулись заманчивые пространства Ришельевской улицы, которая начинается так гордо «Лионским кредитом» и платанами, морем и каллиграфом Косоде, но вскоре запутывается, входит в сожительство с грязными Большой и Малой Арнаутскими и бесславно гибнет среди дешевых притонов и мусорных ящиков на

Лев Славин. 1930-е гг.

перекрестках, меж фотографом «Генный Шапиро» и парикмахером «Жорж Крутопейсах». Пусть моя жизнь не будет похожа на Ришельевскую улицу!

Возбуждаясь, я говорил все больше и больше. Я попытался объяснить Володе совершенную отчужденность Польской, Земской и Гимназической улиц, на жителей которых дедушка Абрамсон – э, да что там, и я сам! – взирал, как если бы они жили в Новой Каледонии. (Напротив, я ощущал как родную Садовую улицу, где стоял дедушкин дом, и всю прилегающую систему Коблевских, Нежинских, Херсонских, Елизаветинских улиц, с двухэтажными флигелями и уборными в конце двора.) Еще дальше шли совершенно уже непонятные – Слободка-Романовка, Пересыпь, Молдаванка и, наконец, первобытная дикость Ближних и Дальних Мельниц, край мира, обросший травой.

– Какое идиотство! – вскричал Володя. – Перестань работать языком!

Мы вступили на Преображенскую улицу. Фруктовая лавка с толстой хозяйкой, похожей на испанку, пивной погребок «Гамбринус», университет, набитый сторожами, матрикулами, колбасами. Сквозь Малый переулок мы достигли улицы Гоголя. Внизу шумело море, гипсовые атланты подпирали балкон, величественный, как земной шар.

Вера Инбер

Стихи о кошке и ее невероятном романе

Как объяснить сей парадокс?
Сам черт себе тут сложит ножку:
Случилось так, что некий фокс,
Что фокстерьер влюбился в кошку.
И нежно приторен стал фокс,
Он пел, рыдал румынской скрипкой;
Он говорил: У ваших ног-с
Готов я умереть с улыбкой.
Я дал бы хвост мой отрубить,
Когда бы не был он отрублен,
Чтобы поехали вы жить
Со мной в Чикаго или Дублин.

Вера Инбер в Париже. 1914 г.

В стране, где выдумали бокс,
Ничьи б не привлекало взоры,
Что молодой шотландский фокс
Женат на кошке из Ангоры.
И кошка, женщина в летах,
Прельстась мальчишескою страстью,
Сложила вещи впопыхах,
Бросая родину для счастья.
Среди маисовых полей
На ферме зажили супруги,
Вкушали лук и сельдерей,
И обходились без прислуги.
И ровно, ровно через год
У них родился фоксокот.

Из книги «Бренные слова»,
Одесса, 1922.

Подготовила Алена ЯВОРСКАЯ

Л.Славин с женой